

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

Вади́л
Усти́нов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Вадим УСТИНОВ

Черный принц

«ВЕБКНИГА»

2019

Устинов В. Г.

Черный принц / В. Г. Устинов — «ВЕБКНИГА», 2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04743-3

Эдуард Вудстокский (1330—1376), принц Уэльский, прозванный Черным Принцем — один из известнейших исторических деятелей средневековья. Сын и наследник короля Англии, победитель французов в битвах Столетней войны, он казался современникам воплощением истинного рыцаря, храброго и галантного. Скептически настроенные потомки увидели принца иначе — типичным феодалом, равнодушным к смерти и страданиям жертв его военных авантюр. О том, каким на самом деле был принц Эдуард, чем он выделялся среди современников, рассказывает книга историка Вадима Устинова — первая русскоязычная биография Черного Принца.

ISBN 978-5-235-04743-3

© Устинов В. Г., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	11
Глава первая	12
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вадим Устинов

Черный Принц

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Устинов В. Г., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

* * *

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1987

Предисловие

Принц, которого никогда не называли Черным

Мода на ниспровержение устоявшихся представлений об исторических событиях и персонажах родилась не в наше время. Безусловно, порой свежий взгляд полезен: новые источники и новые знания способны помочь историку подобраться к истине ближе, чем это удавалось его предшественникам.

Однако помимо исследований, цель которых заключается в восстановлении опороченной репутации того или иного исторического персонажа, нередко предпринимаются и прямо противоположные попытки. Одним из тех, кому «повезло» стать объектом посмертных нападок, оказался знаменитый английский воин и полководец Эдуард Вудстокский, принц Уэльский и Аквитанский, больше известный по прозвищу Черный Принц.

Современники в основном говорили о нем как о талантливом полководце, блистательном образце рыцарственности, знатном лорде, весьма сведущем в охоте и «куртуазной любви», увлекавшемся пирами и турнирами. Другими словами, он представлял собой идеальный тип рыцаря и полностью соответствовал канонам, насаждавшимся в позднем средневековье определенного рода литературой, ярким примером которой является роман «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»¹. Герольд на службе сэра Джона Чандоса, верного сподвижника и близкого друга принца, описывал характер Эдуарда Вудстокского с очевидным пиететом:

Сей принц, рассказа моего герой,
Пленен с рожденья мыслью был одной:
Отвагу, верность, храбрость он считал
За истинно бесценный капитал.
И столь была в нем доблесть высока
И сила благородства велика,
Что, раз наметив в жизни верный путь,
Уже не помышлял с него свернуть —
Путь честности и правды торжество.
Воспитывали с детства так его^{2, 3}.

Историки в большинстве своем придерживаются традиционной трактовки характера Эдуарда Вудстокского до сих пор. Но представители высших классов британского общества в середине XIX века решили, что уровень достигнутой ими цивилизованности дает им моральное право осуждать любые проявления средневекового варварства. Они были достаточно образованны, чтобы ознакомиться с документальной базой, и у них начали вызывать сомнения хвалебные оды, которые пелись принцу современными ему хронистами.

Ревизионистам Эдуард Вудстокский представлялся алчным, бессердечным, высокомерным аристократом, бездарным администратором и неумелым политиком. Помимо этих общих упреков ему предъявлялось обвинение в крайней жестокости при осаде в 1370 году города Лимож, который был взят штурмом и разграблен, а 3000 жителей якобы безжалостно умерщвлены. В наставлении, произнесенном в июне 1852 года, каноник Кентерберийского собора

¹ Английский рыцарский роман конца XIV века, одно из самых известных произведений так называемого Артуровского цикла, посвященного деяниям рыцарей легендарного короля Артура. (*прим. редакции*)

² Le Prince Noir. Poème du Héraut d'Armes Chandos. / Éd. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 5.

³ Все поэмы, хроники и документы даны в переводе автора. (*прим. редакции*)

Артур Пенрин Стэнли не только заявил о бессердечии Эдуарда Вудстокского, но и заподозрил его в сословном чванстве:

«Черный Принц, как и те, кто брал с него пример, проявлял рыцарственность, любезность и щедрость только к равным или к своим прямым вассалам, и не задумывался о том, как в принципе следует обращаться с представителями бедных, средних классов и с простолюдинами. Его мог тронуть вид захваченного в плен короля или храбрость трех французских джентльменов, но уши его не слышали, а глаза не видели плача и стонов отцов, матерей и детей из беднейших горожан, которые не были связаны с ним законами чести и рыцарства»⁴.

Инициативу священника подхватила Луиза Крейтон – автор исторических и философских книг, известный лидер британских суфражисток, активно борющаяся за права женщин. В своей биографии Черного Принца она по сути лишь повторила главные тезисы из наставления Стэнли – правда, уже от себя снабдив их снисходительной ссылкой на средневековые нравы:

«Разграбление Лиможа демонстрирует нам темную сторону рыцарства. Мы не должны слишком уж винить за это Черного Принца. Принося в жертву своей мести невинных жителей целого города, он лишь действовал в духе того века, в котором он жил. Взгляды, в духе которых он воспитывался, не учили его уважать человеческую жизнь как таковую. Достойные жалости страдания женщин и детей не вызывали у него таких же сильных эмоций, как отважное поведение латников в бою. Именно в этом и состояла суть рыцарства, все привлекательные стороны которого не могут заставить нас простить ему пренебрежение человеческими страданиями. Несомненно, это ужасное разграбление – позорное пятно на репутации Черного Принца; но вряд ли стоило надеяться на то, что он мог подняться над своим веком»⁵.

В средневековье гибель сотен мирных жителей во время штурма города не считалась чем-то из ряда вон выходящим, однако хладнокровное убийство 3000 горожан и тогда расценивалось как поступок возмутительный и позорный. К примеру, репутация Ричарда I Львиное Сердце была порядком подпорчена его решением казнить такое же количество пленных сарацинов в 1191 году после взятия Акры во время Третьего крестового похода. Благодаря добродетелям-энтузиастам разорение Лиможа оказалось черным пятном в биографии Эдуарда Вудстокского – правда, чуть ли не единственным. Именно поэтому для нас так важна эта, казалось бы, малозначительная осада, и мы в нашей книге уделим ей достаточно много внимания.

Естественно, источники XIV века немногочисленны и ненадежны. Весьма часто они сознательно вводили читателя в заблуждение, искажали факты в угоду взглядам авторов или интересам их знатных покровителей. Не стоит забывать, что Англия и Франция находились тогда в напряженном противостоянии, в которое было втянуто большинство стран Европы – это еще больше усиливало политизированность большинства сочинений. Но хотя хронисты и поэты порой преувеличивали достоинства своих кумиров, отмечать без разбору их свидетельства было бы неправильно – все-таки они являлись очевидцами тех давних событий.

Подобно своему отцу королю Эдуарду III, принц сознательно стремился вести себя как герой рыцарского романа. Артуровские идеалы настолько прижились к английскому двору, что неминуемо должны были найти свое реальное воплощение. Это случилось, когда король создал некое подобие Круглого Стола, чуть позже трансформировавшееся в знаменитый орден Подвязки.

Принц на самом деле обладал множеством несомненных достоинств. От отца он унаследовал мощное телосложение и с успехом участвовал в турнирах. Будучи совсем юным, он мечом заработал себе репутацию храбреца – и это в век, когда доблестных рыцарей в любой стране было хоть отбавляй, а подвиги на поле боя считались делом совершенно обыденным. Кто, как не Эдуард Вудстокский, командовал английским авангардом в одной из самых извест-

⁴ History Memorials of Canterbury by Arthur Penrhyn Stanley. L., 1911. P. 154.

⁵ Creighton L. Life of Edward the Black Prince. L., 1877. P. 185.

ных битв европейского средневековья – в 1346 году при Креси? Кто, как не он, уже во главе армии, разгромил во втором знаменитом сражении – при Пуатье в 1356 году – многократно превосходящие по численности войска противника и захватил в плен самого короля Франции?

Кто женился по любви в возрасте 31 года, с легкостью поломав хитроумные династические брачные схемы? Это был уникальный для того времени поступок, куда более смелый, чем пресловутое отречение короля Эдуарда VIII, который якобы предпочел трону семейное счастье. Кто держал в Аквитании блестящий двор, вызывавший зависть всей Европы? Кто настолько успешно управлял своими имениями, что умудрялся покрывать за счет доходов с них большую часть тех колоссальных военных расходов, которые возлагались королем на его плечи? Снова тот самый Эдуард Вудстокский, которому пытаются отказать даже в минимальных способностях администратора.

Принц вовсе не был неотесанным драчуном и мотом. Он получил достаточно хорошее для того времени образование и при случае демонстрировал изящный вкус. Например, при проведении строительных работ в своих манорах Эдуард предпочитал пользоваться услугами знаменитого архитектора Генри Йевеле или мастера Хью из Сент-Олбенса⁶, далеко не последнего среди художников. Что касается его безудержных трат на доспехи, коней и драгоценности, то большая часть этого добра раздавалась в качестве наград и подарков сподвижникам.

Кстати сказать, свое грозное прозвище, так хорошо известное потомкам, при жизни Эдуард не носил. Оно намертво пристало к его персоне уже в более поздние времена, но когда и почему – доподлинно неизвестно, хотя на этот счет существует несколько теорий. Вероятнее всего, впервые прозвище «Черный Принц» упомянул в 1540-х годах английский поэт и антиквар Джон Леланд, прозванный отцом английского краеведения и библиографии. В своей работе «Collectanea» («Коллекция»), представляющей собой антологию произведений более ранних авторов по британской истории, он использовал хронику доктора богословия и клирика Джона Уоркворта. Пересказывая ее, Леланд писал: «Черный Принц (в тексте *Blake Prince*. – В. У.) выиграл битву с французами у Шовиньи. Черный Принц взял в плен короля Жана Французского и его сына Филиппа в битве при Пуатье»⁷. Вторично Леланд использовал это прозвище при изложении другой хроники – «Eulogium historiarum» XIV века, – но уже на латыни: «Там же (в битве при Креси. – В. У.) принц Эдуард стал известен под именем Черного (в тексте *Nigri*)»⁸.

Интересно однако, что в оригинальных текстах хроники Уоркворта и «Eulogium», послуживших антиквару исходным материалом, нигде не встречается прозвища «Черный Принц». Отсутствует оно и в еще более старой «Хронике Брута», изданной английским первопечатником Уильямом Кэкстоном, а затем скопированной Уорквортом. Но начало было положено: вслед за Леландом прозвище использовал Рафаэл Холиншед, английский хронист второй половины XVI века: «По достижении зрелости его обычно звали принц Эдуард, прозванием его также было Черный Принц»⁹. Поскольку работа Холиншеда послужила основным источником исторических знаний для Уильяма Шекспира, то великий драматург, ничтоже сумняшеся, и в этом последовал за своим наставником:

Припомним самый черный наш позор —
Проигранную битву при Креси,
Когда все принцы были взяты в плен

⁶ *Генри Йевеле* (ок. 1320–1400) – известный английский архитектор, участвовал, в частности, в перестройке Кеннингтона – манора Эдуарда Черного Принца; Хью из Сент-Олбенса (ум. 1368) в 1350 году был назначен ответственным за роспись дворцовой часовни Святого Стефана в Виндзоре, носил прозвище Ле Пейнтор – «Художник». (прим. редакции)

⁷ Joannis Lelandi antiquarii de rebus Britannicis collectanea / Ed. T. Hearnii. Vol. I. Part II. L., 1770. P. 479.

⁸ Joannis Lelandi antiquarii de rebus Britannicis collectanea / Ed. T. Hearnii. Vol. I. Part II. L., 1770. P. 307.

⁹ Holinshed R. Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. II. L., 1907. P. 598.

Рукой и черным именем Эдварда
Уэльского, что звался Черным Принцем¹⁰.

После того, как исторический факт оказался запечатленным в творении мэтра английской драматургии, он вполне ожидаемо перешел в категорию общеизвестных и не подлежащих сомнению.

Существуют и альтернативные теории. Ряд ученых предполагают, что прозвище закрепилось за принцем Уэльским не в XVI столетии, а веком ранее – во времена правления короля Эдуарда IV, который вззошел на престол в 1461 году. Почему? Очень просто: некоторые хроники именуют Эдуардом IV самого принца – как бы предвосхищая его вступление на престол. К примеру, глава 185 упоминавшейся выше хроники «Eulogium» носит название «Itinerarium Eduardi Quarti» («Путешествие Эдуарда Четвертого») и описывает поход принца на Бержерак и Перигор в 1356 году¹¹. Точно так же флорентийский банкир и хронист Джованни Виллани называет принца Эдуардом IV, сыном короля Англии и принцем Уэльским¹². Естественно, что после вступления на трон графа Марчского, получившего при коронации имя Эдуарда IV, могла возникнуть совершенно неприличная путаница. Поэтому из более поздних редакций хроник слово «Четвертый» исчезло и вместо него появилось прозвище «Черный Принц».

Таким образом, ответ на вопрос: «когда?» – худо-бедно найден. Остается выяснить: «за что?» На этот счет высказано множество догадок. Большинство комментаторов склоняется к тому, что прозвище связано с черным цветом доспехов, которые якобы носил принц. Однако такое предположение абсолютно ничем не подкреплено – впрочем, как и все остальные. Согласно менее распространенной трактовке, это прозвище французского происхождения, а получил его принц за безжалостные набеги на земли Южной Франции и за блестящие победы в битвах, наводившие на врагов ужас. Наконец, некоторые исследователи поддерживают версию о том, что прозвище «Черный Принц» действительно порождено цветом доспехов, но скорее из-за традиции их живописного изображения, нежели из-за того, что Эдуард Вудстокский носил такие в реальной жизни¹³. Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать лишь одно – прозвище стало общепризнанным уже в XVI веке.

В заглавии этой книги Эдуард фигурирует именно как Черный Принц – таким образом мы отдаем дань многовековой традиции. Но по ходу повествования мы будем следовать исторической правде и именовать его так же, как современники – Эдуардом Вудстокским, графом Честерским, герцогом Корнуоллским и, наконец, принцем Уэльским и Аквитанским.

¹⁰ Шекспир У. Генри V / Пер. Е. Бируковой.

¹¹ Eulogium (Historiarum sive Temporis): Chronicon Ab Orbe Condito Usque Ad Annum Domini 1366 / Ed. F.S. Haydon / Vol III. L., 1863. P. 215.

¹² Cronica di Giovanni Villani. Tomo IV. Firenze. 1845. P. 111.

¹³ Barber R. Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996. P. 242.

Часть первая

Честная юность воина

Глава первая

Наследник престола

Конец первой четверти XIV века был далеко не самым безмятежным периодом в истории Англии. Дурное правление короля Эдуарда II Карнарвонского довело страну до весьма плачевного состояния. На севере приграничным областям угрожали шотландцы, значительная часть Ирландии была потеряна, от богатейшего французского наследства короля Генри II¹⁴, двумя столетиями ранее включавшего в себя Анжу, Мен, Турень, Бретань, Нормандию, Пуату и Аквитанию, остался только жалкий кусочек земли вокруг Бордо.

Изнутри страну раздирали гражданские смуты, двор погряз в интригах. Король отдавал решение важных вопросов на откуп своим фаворитам, которые беззастенчиво пользовались монаршим доверием для собственного обогащения. В конце концов взбалмошный Эдуард II был свергнут собственной женой, королевой Изабеллой, и ее любовником Роджером де Мортимером¹⁵ – мятежником, бежавшим во Францию из заточения в Лондонском Тауэре. Изгнанники заручились поддержкой Вильгельма Геннегауского¹⁶, причем континентальная помощь была оплачена не только деньгами, но и помолвкой наследного принца Эдуарда с дочерью графа Филиппой. Справедливости ради надо отметить, что дети искренне полюбили друг друга. Видимо, насмотревшись в детстве безобразных сцен между родителями, наследник английского трона не хотел повторения печального опыта семейной жизни без любви. Так или иначе, глубокое чувство к Филиппе Геннегауской он пронес через всю свою жизнь – по крайней мере, до тех пор, пока находился в здравом рассудке.

Парламент, собравшийся в Лондоне, 7 января 1327 года официально низложил Эдуарда II и провозгласил королем его сына, которому к тому времени исполнилось всего лишь 14 лет. По малолетству юного Эдуарда III страной должен был управлять регентский совет. Реальную власть, однако, прибрал к рукам организатор свержения незадачливого монарха Роджер, лорд Мортимер Уигморский, получивший титул графа Марчского. С явным сожалением современники констатировали:

«Король во время коронации был молод, в юном возрасте, и многие обиды были нанесены во время незаконного правления его отца, который доверял советникам, дававшим ему дурные советы вопреки здравому смыслу. Это причинило большой вред королевству, королю, всем людям, и привело к гибели короля... Посему на коронации было решено, что королем из-за его юного возраста должны руководить двенадцать великих лордов Англии, без которых ничто не должно вершиться – а именно: архиепископ Кентерберийский, архиепископ Йоркский, епископ Уинчестерский и епископ Херефордский, граф Ланкастерский, дядя короля граф-маршал и граф Кентский, граф Саррейский, бароны сэра Томас Уэйк, сэра Генри Перси, сэра Оливер Ингэм и Джон Рос... Но порядок был вскоре нарушен, что принесло много бед и вреда всей Англии. Ибо король и все лорды, которые должны были им руководить, сами подпали под власть матери короля дамы Изабеллы и сэра Роджера де Мортимера»¹⁷.

¹⁴ *Генри II (Генрих) Короткая Мантня* (1133–89) – король Англии (1154–89) из Анжуйской династии. Автор является принципиальным противником устоявшейся традиции «латинизировать» имена европейских монархов – Генрих, Иоанн, Людовик и т. д. – независимо от их реального произношения. (*прим. редакции*)

¹⁵ *Роджер де Мортимер* (1287–1330) – 2-й лорд Мортимер Уигморский, 1-й граф Марчский (с 1328 года); могущественный магнат, чьи владения располагались на границе с Уэльсом, фактический правитель Англии во время малолетства Эдуарда III. (*прим. редакции*)

¹⁶ *Вильгельм I* (ок. 1286–1337) – граф Геннегауский, Авенский, Голландский и Зеландский, влиятельный европейский государь. Был женат на Жанне, сестре Филиппа VI Счастливого, короля Франции, старшую дочь выдал за Людвига IV, императора Священной Римской империи. (*прим. редакции*)

¹⁷ *The Brut or Chronicles of England* / Ed. by F.W.D. Brie / Vol. I. L., 1906. P. 254–55.

Никаких перемен к лучшему, на которые с приходом новых правителей надеялась вся страна от простолюдинов до знати, не случилось. Это было тем более прискорбно, что в ближайшее окружение королевы Изабеллы входило несколько вполне способных администраторов – например, Адам Орлтон, епископ Херефордский, или Генри де Бергерш, епископ Линкольнский. Внутреннюю и внешнюю политику государства практически единолично определял Роджер Мортимер, и она вызывала всеобщее недовольство. Фавориту небезосновательно вменялось в вину присвоение двух третей всех доходов страны, заключение на невыгодных условиях мира с Францией и Шотландией, бесстыдное выставление напоказ интимных отношений с королевой Изабеллой и, наконец, убийство низложенного короля, заточенного в замке Баркли.

Отстраненный от реальной власти, юный Эдуард III значительную часть времени посвящал делам семейным – 24 января 1328 года в Йоркском соборе он сочетался браком со своей любимой Филиппой Геннегауской. Полтора года спустя она забеременела, и Эдуард III решил ее короновать. Торжественная церемония состоялась 4 марта 1330 года, а в апреле Филиппе был придан собственный двор, содержать который она должна была за счет доходов с пожалованных ей владений.

Шумный и беспокойный Лондон, на протяжении всей английской истории бывший средоточием политических бурь, вряд ли был подходящим местом для женщины в положении. Поэтому заботливый муж отправил ее в небольшой замок Вудсток, уютно расположившийся среди полей и королевских заповедных лесов Оксфордшира. Когда-то здесь, на берегу спокойной неширокой реки Глайм, стоял скромный охотничий домик, а затем на его месте король Генри II выстроил замок. К сожалению, до наших дней он не сохранился – как и многие другие старинные крепости, его безжалостно разрушили во время гражданской войны 1642–1651 годов.

В праздник святого Вита и святого Модеста, приходившийся на 15 июня 1330 года, Филиппа родила мальчика, которому впоследствии суждено было прославить мощь английского оружия на всю Европу. По традиции малыша назвали в честь отца, деда и прадеда, а прозвище свое он получил по месту рождения. Эдуард Вудстокский – именно под этим именем знали его современники.

* * *

Как только наследник появился на свет, фрейлина королевы Кэтрин Монтекьют спешно отправила гонцов – одного к королю, другого к номинальному главе регентского совета Генри Ланкастерскому¹⁸. Получив ожидаемое, но от того не менее желанное известие, молодой король не скрывал своей радости. Он отдал приказ щедро наградить посланника: «Пожаловать Томасу Прайору, королевскому йомену, за радостные новости о рождении Эдуарда, первородного сына короля, ежегодный пенсион в 40 марок из казначейства пожизненно, либо пока он не получит равноценные земельные владения или ренту»¹⁹.

Пришел в восторг от сообщения и граф Ланкастерский, пожаловавший прибывшему к нему гонцу Питеру Эктону ежегодный пенсион в 10 марок за весть о рождении законного наследника трона. Слух об этом знаменательном событии мгновенно облетел всю Англию, несмотря на то, что в те времена новости доходили до отдаленных уголков страны с большим опозданием, если вообще доходили. Во всех церквях звонили колокола, а священники возносили благодарственные молитвы Господу.

¹⁸ *Генри* (ок. 1281–1345) – 3-й граф Ланкастерский и Лестерский, 1-й лорд Ланкастер, лорд верховный стюард Англии, сын Эдмунда Горбатого, 1-го графа Ланкастерского и Лестерского – влиятельный государственный деятель, способствовавший победе Мортимера и Изабеллы; по некоторым данным, носил прозвище Кривая Шея. (прим. редакции)

¹⁹ Calendar of the Patent Rolls, 1330–34. L., 1893. P. 74.

Крестным отцом мальчика стал тот самый Генри де Бергерш, епископ Линкольнский, который в свое время поддержал бунт Роджера Мортимера и Изабеллы, за что получил от фаворита важнейший пост лорда верховного канцлера Англии. Однако симпатии опытного государственного деятеля были на стороне юного короля Эдуарда III и его семейства, а не всемогущего временщика графа Марчского.

Малыш рос здоровым и крепким, поэтому современники не сомневались, что королева Филиппа сама кормила сына грудью – существовало поверье, что силу ребенок получает с материнским молоком. Однако вернее будет предположить, что своим завидным здоровьем Эдуард Вудстокский был обязан генам предков, поскольку Филиппа сына не вскармливала, да и не собиралась этого делать. В Оксфорд, находившийся всего в 15 километрах от Вудстока, послали за кормилицей для младенца, а также за нянькой, которая должна была качать его колыбель. Это доподлинно известно из более поздних бухгалтерских записей в расходной книге Эдуарда Вудстокского, щедро вознаградившего женщин за их заботы. Обе они получили пенсioen: кормилица Джоанна из Оксфорда в размере 10 фунтов в год, а нянька Матильда Пламpton – шесть фунтов, 13 шиллингов и четыре пенса. Но и после этого принц, умевший на деле доказывать благодарность верным слугам, не забывал про своих первых служанок, время от времени отправляя им щедрые подарки. Например, в 1357 году им было отдано следующее распоряжение: «Приказ Генри Блейкборну, клерку и казначею двора принца, проследить, чтобы бочка вина была доставлена Джоанне из Оксфорда, когда-то кормилице принца, в качестве дара от принца»²⁰.

С момента своего рождения мальчик считался графом Честерским. Таков был титул старшего сына короля Англии в течение почти ста лет – с тех пор как король Генри III Уинчестерский²¹ пожаловал им своего наследника. Графство, расположенное на северо-западе страны, издревле пользовалось привилегиями палатината, то есть представляло собой практически независимую область, владелец которой обладал в ее пределах властью, равной королевской. Эта земля была населена воинственными жителями, закаленными многовековой борьбой с соседними валлийскими племенами. Много выходцев из графства подвизалось впоследствии при дворе принца, составляя значительную часть его дружины. Чеширцами были соратники и самые доверенные слуги принца – профессиональные воины Хью Калвели и Роберт Ноллз, а также будущий сенешаль Руэрга сэр Томас Уэтенхолл. Именно в этом графстве Эдуард набирал свои экспедиционные отряды для нескольких кампаний.

Но все это было делом будущего. А пока до своего совершеннолетия мальчик не имел права даже самостоятельно управлять землями и получать с них доходы. Королевский совет назначил арендатора, который взял на себя заботы об имуществе графа Честерского и выплачивал ему содержание, покрывавшее личные расходы графа и его придворных: «Пожалована на содержание двора Эдуарда, королевского сына, ежегодная сумма в 500 марок из 1000 марок, выплачиваемых Оливером де Ингэмом, судьей Честера, за аренду этого графства. Указанному Оливеру поручается выплатить их хранителю гардероба принца»²².

На самом деле, к тому времени Эдуард Вудстокский еще не обзавелся собственным двором – ведь он был несмышленным грудным младенцем и находился на попечении матери, королевы Филиппы, которой и причиталась, вероятно, некоторая часть с доходов сына. Но, несмотря на свой возраст, малыш сразу после рождения начал оказывать серьезнейшее влияние на развитие событий в Англии.

²⁰ Register of Edward the Black Prince, Part IV. L., 1933. P. 206.

²¹ *Генри III (Генрих) Уинчестерский (1207–72)* – король Англии из Анжуйской династии, прапрадед Эдуарда Вудстокского. (прим. редакции)

²² Calendar of the Patent Rolls, 1330–34. L., 1893. P. 2.

Рождение наследника коренным образом изменило поведение Эдуарда III и его друзей. До этого и король, и регентский совет покорно следовали в русле политики фактического правителя страны Роджера Мортимера, безропотно выполняя его указания. Но под личиной покорности многие магнаты скрывали недовольство своим зависимым положением. И больше всех тяготился навязанной ему неприглядной ролью статиста при властолюбивом временщике номинальный глава регентского совета Генри Кривая Шея. Граф Ланкастерский чувствовал себя тем более неуютно, что его жизни грозила серьезная опасность. Годом ранее он уже предпринял попытку избавить Англию от Мортимера, подняв мятеж. Однако заговор провалился, и его вдохновитель чудом сохранил жизнь, отделавшись уплатой огромного штрафа в 11 тысяч фунтов.

Граф Марчский ничего не забыл и ничего не простил. Он хорошо понимал, что угроза его положению исходит прежде всего от близких родственников короля, которые имели куда больше прав на доступ к государственному кормилу, чем он. Фаворит уже добился казни Эдмунда графа Кентского²³, обвинив его в измене без веских доказательств и заставив без памяти влюбленную Изабеллу повлиять на Эдуарда III, под давлением матери утвердившего приговор. Будучи двоюродным дядей короля, да к тому же официальным регентом королевства, Генри Кривая Шея не без оснований полагал, что он – следующий в очереди на плаху.

Граф Ланкастерский не хотел упускать подходящего момента: по его мнению, после рождения наследника Эдуард III не должен был долее терпеть около себя закусившего удила любовника Изабеллы. Действительно, теперь король считал себя полностью состоявшимся мужчиной, не нуждающимся в материнской опеке. Через пару месяцев, в ноябре ему исполнилось 18 лет – то есть он становился совершеннолетним. Граф Ланкастерский всемерно укреплял желание Эдуарда III покончить с правлением Мортимера. Он заручился поддержкой двух самых близких к королю людей – его воспитателя и лорда хранителя малой печати Ричарда Бери, а также Уильяма лорда Монтекьюта²⁴. Эти двое без труда убедили короля участвовать в заговоре.

В октябре 1330 года королевскому совету было приказано собраться в Ноттингеме. Роджер Мортимер, как будто чувствуя угрозу, держался крайне осторожно. Он с королевой Изабеллой остановился в неприступном замке на западной окраине города, где устроил свою временную резиденцию. Однако констебль замка сэр Уильям Эланд показал своему другу лорду Монтекьюту тайный ход. Во главе небольшой группы рыцарей Эдуард III ворвался в покои фаворита и арестовал его, несмотря на мольбы и протесты королевы-матери. Под сильным конвоем Мортимера препроводили в Лондон и осудили на смерть как предателя. Обширные владения Изабеллы и графа Марчского отошли короне.

После казни Роджера Мортимера большинство его приверженцев попали в опалу. Впрочем, вскоре король восстановил многих из них в прежних должностях, хотя и не приближал их к себе. Этой участи избежали лишь единицы – в частности, Адам Орлтон, епископ Херефордский, и Генри де Бергерш, епископ Линкольнский, который был крестным Эдуарда Вудстокского. Во власть пришли новые люди – верные слуги и друзья короля, рискнувшие выступить вместе с ним против всесильного фаворита: Уильям лорд Монтекьют, Уильям лорд Клинтон, а также сын главы регентского совета Генри Гросмонтский.

Невольный катализатор заговора, малыш Эдуард Вудстокский, выиграл от падения Мортимера едва ли не больше непосредственных участников Komplota. С 25 февраля 1331 года на его содержание направлялась уже не часть доходов графства Честерского, как раньше, а все поступления без изъятия. Распоряжалась ими его мать Филиппа Геннегауская, а не назначен-

²³ Эдмунд Вудстокский (1301–30) – 1-й граф Кентский, младший сын короля Эдуарда I и дядя короля Эдуарда III. (прим. редакции)

²⁴ Уильям Монтекьют или Монтегю (1301–44) – 3-й лорд Монтекьют, 1-й граф Солсберийский (с 1337 года), английский дипломат и военачальник, соратник Эдуарда III со времен юности короля. (прим. редакции)

ный арендатор, хотя баннерета²⁵ Оливера Ингэма никто не осмелился бы упрекнуть в безответственном отношении к своим обязанностям.

Участие мальчика в большой политике на этом не кончилось, пусть выступал он в ней пока что не субъектом, а лишь объектом. Еще не умея говорить и едва-едва научившись ходить, Эдуард Вудстокский вновь оказался в центре интриг – правда, на этот раз дипломатических. Не успели закончиться пышные празднества, устроенные в честь его первого дня рождения, а королевский совет уже начал обсуждать планы по заключению брачного союза между наследником английского трона и представительницей королевской семьи Франции – для налаживания отношений с могучей континентальной державой. В июле 1331 года за Ла-Манш отправились послы, уполномоченные вести переговоры о женитьбе графа Честерского. Параллельно 15 июля король отослал из Линкольна письма своим представителям в Юго-Западной Франции – сенешалю Гаскони и коннетаблю Бордо, – извещая их о предпринятых шагах: «Заявляем и подтверждаем, что между нами и высокороднейшим принцем государем Филиппом, славным королем Франции, было достигнуто соглашение о помолвке и браке между нашим перворожденным сыном Эдуардом и дочерью упомянутого короля Франции»²⁶.

Переговоры тянулись годами без какого-либо видимого результата. Представители сторон постоянно отвлекались на другие темы – так, в ноябре 1331 года возникла идея организации крестового похода, которая немедленно была включена в обсуждение. Что касается помолвки принца, то тут дело никак не могло сдвинуться с мертвой точки. Впрочем, оно и не являлось первостепенным для переговорщиков, поскольку брачные соглашения обычно только сопровождали межгосударственные договоры в качестве довольно-таки ненадежной гарантии их исполнения. Так сама по себе угасла первая попытка женить Эдуарда Вудстокского – но далеко не последняя, ибо подобные матримониальные шаги впоследствии предпринимались снова и снова, когда того требовала дипломатия.

* * *

Хотя наследник английского трона считался графом Честерским с момента своего рождения, его официальная инвеститура (вступление в должность) состоялась только 18 марта 1333 года. Сама церемония была по большому счету простой формальностью, но последовавшие за ней акты носили куда более практический характер. Они сформировали административный аппарат графства, в который вошли люди, пользовавшиеся безоговорочным доверием короля и составившие первый двор Эдуарда Вудстокского. Гувернером мальчика был назначен сэр Николас де Ла Беш, стюардом – Гийом де Сент-Омер, прибывший в Англию из Геннегау в свите королевы Филиппы. Его жена Елизавета стала наставницей графа Честерского. Должность казначея получил Джон Бёрнэм, придворного портного – Уильям Страттон. У малыша появился даже особый слуга, ответственный за раздачу милостыни и пожертвований. В главе двора наследника был поставлен Бартоломью де Бергерш, брат его крестного отца епископа Линкольнского.

Хотя Эдуард Вудстокский обрел свой апанаж, а также собственных слуг и чиновников, он не обосновался в графстве Честерском, как это можно было ожидать. Его по-прежнему опекала мать, которая решила остаться в тихом и спокойном Вудстоке с сыном и двумя дочерьми, появившимися на свет вслед за ним – годовалой Изабелью и новорожденной Джоанной. Своего венценосного отца мальчик видел нечасто, поскольку дела заставляли того постоянно путеше-

²⁵ Рыцарь-баннерет (англ. *knight banneret*) – ранг средневекового рыцаря, позволявший водить в бой отряд под собственным баннером квадратной формы в отличие от простых рыцарей-бакалавров (англ. *knight bachelor*), занимавших более низкую степень и имевших право лишь на пеннон с треугольными концами; посвящение в баннереты производилось королем или военачальником королевской крови на поле битвы. (прим. редакции)

²⁶ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq[ue] Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer / Vol II, Pars II. L., 1821. P. 822.

ствовать по стране, а перенесшая третьи роды подряд королева нуждалась в покое и не видела особой необходимости следовать за мужем по всей Англии, передавая на это время детей в чужие руки.

Эдуард Вудстокский скучал по отцу. Однако на природе, в пасторальном уголке Оксфордшира ему жилось куда лучше, чем в шумном, многолюдном и грязном Лондоне или же в Йорке, временно ставшем военной столицей. Эдуард III прилагал немалые усилия, чтобы компенсировать провалы политики Роджера Мортимера, фактически потерявшего Шотландию. В 1332 году король отправился в экспедицию против северных соседей и 12 августа одержал победу при Даплин-Муре, возведя на шотландский трон Эдуарда Балиола. Новый правитель был всего лишь марионеткой в руках англичан, поэтому беспрекословно признал себя вассалом Эдуарда III. Но долго удерживать власть ему не удалось – он был низложен шотландцами, посадившими на трон малолетнего Дэвида II Брюса. Это вызвало вторую экспедицию, в которой англичане 19 июля 1333 года вновь разгромили врагов в битве при Халидон-Хилле и захватили пограничную крепость Берик. Дэвид II бежал в поисках убежища во Францию.

Французский король Филипп VI Счастливым не мог упустить такого предложения для вмешательства во внутренние дела своих извечных врагов. Он немедленно заявил, что Шотландия – его верный союзник, и ее интересы необходимо учитывать во всех договорах, касающихся Аквитании. Таким образом Филипп попытался обеспечить врагу зеркальное неудобство: для него самого герцогство Аквитанское было такой же занозой, как Шотландия для Англии.

К 1335 году отношения с Францией испортились настолько, что король Эдуард III начал всерьез опасаться вторжения с континента. Он приказал отправить своего наследника подальше от морского побережья – в Ноттингемский замок. Эта древняя крепость была построена по приказу Уильяма I Завоевателя²⁷ на плоской вершине скалы, возвышавшейся над речкой Лин – небольшим притоком Трента. Именно в этом замке заговорщики пятью годами ранее схватили всесильного фаворита королевы Роджера Мортимера.

Кортеж Эдуарда Вудстокского неспешно двинулся в Ноттингем. Сопровождавшие мальчика слуги, похоже, никуда особо не торопились и стремились получить от путешествия максимум удовольствия. Отчасти по этой причине граф Честерский надолго задержался в Питерборо. За время пребывания в городе его служащие успели не только заказать, но и получить из весьма отдаленного Йорка кое-какие необходимые для вояжа вещи, отсутствовавшие в Вудстоке:

«Охранная грамота выдана до дня святого Петра в оковах Джону де Пойнтону, которому поручено стюардом и казначеем Эдуарда графа Честерского, королевского сына, доставить некоторые вещи, приобретенные в Йорке, графу в Питерборо»²⁸.

В конце концов, такое явное небрежение королевскими приказами вывело из себя Эдуарда III, который направил придворным сына повторное послание, содержащее строгий приказ поторапливаться:

«Гийому де Сент-Омеру, стюарду, а также мастеру Дж. де Бёрнэму, казначею двора Эдуарда графа Честерского, королевского сына. Приказываем доставить указанного графа со всем его двором в Ноттингемский замок со всей возможной поспешностью, поскольку, из-за дошедших до короля новостей касательно состояния его королевства, он желает, чтобы граф был отправлен в безопасное место и оставался там до дальнейших распоряжений»²⁹.

В Ноттингем Эдуард Вудстокский с сестрами прибыл только в конце лета. Там же, в кругу своих придворных, через четыре месяца он справил Рождество. Мальчик оставался под

²⁷ *Гийом Бастард* (ок. 1028–87) – герцог Нормандский; в 1066 году завоевал Англию и стал ее королем под именем Уильяма (Вильгельма) I Завоевателя. (*прим. редакции*)

²⁸ *Calendar of the Patent Rolls, 1334–38. L., 1895. P. 128.*

²⁹ *Calendar of the Close Rolls, 1333–37. L., 1898. P. 523.*

неусыпным надзором Гийома и Елизаветы де Сент-Омер до весны 1336 года, когда король решил, что сыну пора приступить к более серьезным занятиям и начинать по мере сил приобщаться к политической жизни страны. К этому времени Эдуард III сумел взять под контроль большую часть Лоуленда³⁰, включая крепости Роксборо, Эдинбург, Перт и Стерлинг. Он уже не опасался войны на два фронта и надеялся, что сможет отразить любую попытку французов высадиться в Англии.

Стремясь быстрее воплотить свою идею в жизнь, король приказал наследнику, не мешкая, прибыть в Лондон. Так кончилось беззаботное детство Эдуарда Вудстокского под нестрогой опекой гувернеров, ибо чета Сент-Омеров, исполнявшая обязанности скорее нянек, чем наставников, получила расчет: «Пожаловано Гийому де Сент-Омеру и Елизавете, его жене за их бескорыстную службу королю, а именно за постоянное пребывание с его сыном Эдуардом графом Честерским и его дочерьми, ежегодно 25 фунтов из казначейства пожизненно, или же пока они не получат равноценную земельную собственность пожизненно»³¹.

Сент-Омеры по-прежнему оставались в ближайшем окружении Эдуарда Вудстокского, но только вот учителя ему были теперь назначены другие. Будь на то его воля, мальчик с удовольствием оставался бы в Ноттингеме или Вудстоке под их крылом – подальше от Лондона, который ему совсем не нравился, хотя бывал он в столице лишь короткими наездами. Но с королевским приказом не поспоришь.

И вот граф Честерский уже появился на первом в своей жизни рыцарском турнире в специально сшитой для этого случая роскошной мантии. Знать королевства и простые лондонцы с энтузиазмом приветствовали шестилетнего наследника английского трона, которого многие имели счастье лицезреть впервые.

* * *

Отношения с Францией становились все более и более натянутыми, при дворе короля все чаще заговаривали о грядущей войне. Сам Эдуард III также не исключал подобного развития событий и, предвосхищая их, решил укрепить лояльность своего ближайшего окружения, а заодно отблагодарить рыцарей, поддержавших заговор против Роджера де Мортимера и отличившихся в войнах против шотландцев. Генри Гросмонтский стал графом Дербийским, Уильям Монтекьют – графом Солсберийским, Уильям Клинтон – графом Хантингдонским. Получили высокие титулы еще три непосредственных участника тех событий: Роберт де Афффорд был возведен в достоинство графа Саффолкского, Уильям Боэн – графа Нортхемптонского, а Хью де Одли – графа Глостерского. Помимо естественного выражения признательности и желания покрепче привязать к себе храбрых вояк, король преследовал еще одну, может быть, даже более важную цель – он хотел обеспечить будущих капитанов своей армии собственными средствами для первоначального найма и содержания воинских отрядов.

Однако самый блестящий титул получил тот, от кого Эдуард III совершенно не ожидал в ближайшем будущем какой-либо военной помощи: его сын был еще слишком мал для того, чтобы вести солдат в поход. Тем не менее, именно ему достался беспрецедентно щедрый дар. Осенью 1336 года скончался от лихорадки бездетный младший брат короля Джон Элтемский, граф Корнуоллский. Его обширный лен был возведен в ранг герцогства и пожалован наследнику трона. До тех пор в иерархии английского королевства герцогских титулов еще не было, самым высоким считался графский. Таким образом, Эдуард, граф Честерский, с 9 февраля

³⁰ Лоуленд (англ. *Lowlands*) – низинная часть Шотландии, занимающая Средне-Шотландскую низменность, восточное побережье и Южно-Шотландскую возвышенность; ее население в основном говорит на шотландском языке, родственном английскому. Часто противопоставлялась Хайленду (англ. *Highlands*), занимающему горную часть страны, где говорили на гэльском (кельтском) языке. (прим. редакции)

³¹ Calendar of the Patent Rolls, 1334–38. L., 1895. P. 247.

1337 года стал еще и герцогом Корнуоллским. Пышная церемония, сопровождавшая инвестицию, традиционно включала в себя посвящение в рыцари двадцати четырех юношей из самых благородных семейств.

Сразу после того, как Эдуард Вудстокский получил новый лен, выяснилось, что финансовые дела Корнуолла находились в весьма запутанном состоянии. Новоявленный герцог, правда, имел неоспоримое и нераздельное право на все, что выбрасывалось морем после кораблекрушений на побережье герцогства. Но ведь не эта экзотическая привилегия служила основным источником дохода – таковым являлись оловянные копи. Однако оказалось, что значительная часть прибыли от них в размере 1000 марок ежегодно была отписана в пользу Уильяма Монтекьюта, графа Солсберийского. То есть, как минимум треть финансовых поступлений утекала мимо герцогской казны. И это не все: Томас Уэст, пожизненно назначенный на должность хранителя рудников Девона, требовал, чтобы ему по-прежнему продолжали выплачивать ежегодное жалование в размере 100 фунтов – в полном согласии с королевским обещанием.

Обо всем этом Эдуард III как-то не подумал, когда жаловал наследнику герцогство. Да и сам он не брезговал зачерпнуть при случае полной горстью из такого богатого источника, как Корнуолл. Например, спустя полгода после инвестиции сына король неожиданно отдал такой приказ: «Погасить... торговцам из компании Барди задолженность в 7200 фунтов из доходов от добычи олова в этом графстве... несмотря на королевское пожалование рудников и земель в графстве Корнуолл Эдуарду, его старшему сыну. Ибо король уже ранее был должен указанным торговцам 7200 фунтов, которые они предоставили по просьбе королевы Изабеллы и которые король обещал добросовестно им вернуть»³².

Конечно, герцогу Корнуоллскому по малолетству не было до финансовых вопросов никакого дела, однако король все-таки посчитал необходимым компенсировать ему потери из других источников. Он передал в распоряжение наследника доходы от городов Эксетер в графстве Девоншир и Уолингфорд в Беркшире, а также от манора Мер в графстве Уилтшир.

* * *

Вместо четы Сент-Омеров воспитанием подросткового наследника трона теперь занимался опытный наставник – Уолтер Бёрли, занимавший до этого должность подателя милостыни у королевы Филиппы. Он был лучшим другом Ричарда Бери, воспитателя короля Эдуарда III, но теплое местечко при особе герцога Корнуоллского получил не только благодаря своим обширнейшим связям. Бёрли являлся выдающимся ученым – схоластом и логиком, светилом Оксфордского университета. Ему приписывается авторство более 50 работ. Интересно, что именно благодаря этому наставничеству увидел свет его самый известный труд – «Книга о жизни и нравах философов», содержащая около 120 коротких жизнеописаний философов и поэтов с кратким изложением их взглядов и представляющая таким образом популярно изложенную историю философии. Вне всякого сомнения, эта книга писалась именно для Эдуарда Вудстокского, хотя другие работы Бёрли – в частности, комментарии к Аристотелю – вряд ли предназначались его подопечному, который был слишком мал, чтобы должным образом их осмыслить.

Можно смело распрощаться с мифом о том, что Эдуард был всего лишь полуграмотным воякой. Благодаря своему учителю он получил систематическое и глубокое по тем временам образование, пусть даже впоследствии книги не особо его привлекали. Программа обучения включала в себя чтение, письмо, арифметику и латынь – все те предметы, знание которых было необходимо для государственного деятеля.

³² Calendar of the Close Rolls, 1337–39. L., 1900. P. 67.

Нужно отметить, что со времен нормандского завоевания разные сословия Англии в прямом смысле говорили на разных языках. Ученые, клирики и судейские чиновники использовали латынь, знать предпочитала нормандско-французский, а англосаксонский оставался средством общения большинства – то есть простонародья. Однако именно в те годы наиболее активно шел процесс их смешения: обогащенный нормандскими и латинскими словами саксонский, теперь уже английский, язык становился общим для англичан. Эдуарду III хватило мудрости этому не препятствовать и даже способствовать, но его сын пока еще обучался всем трем языкам.

Науки Эдуард постигал вместе с родственником учителя Саймоном Бёрли и Роджером Мортимером, внуком казенного фаворита, которые с тех пор стали его близкими друзьями. Учение давалось мальчику легко, и спустя некоторое время о нем вполне можно было сказать словами знаменитого английского поэта Джеффри Чосера, который писал про некоего королевского сына так:

Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать³³.

Стих Чосера применим к Эдуарду Вудстокскому полностью, до последней строчки. Герцог Корнуоллский не только постигал науки и овладевал умениями, необходимыми блестящему аристократу и придворному – король серьезно и осознанно готовил сына к военной стезе. Мальчик любил оружие и лично владел солидным арсеналом – в частности, у него был полный доспех с запасным шлемом-бацинетом и парусиновая палатка с центральным столбом. Вся амуниция, несмотря на свой небольшой размер, ни в коем разе не была игрушечной, а представляла собой настоящее боевое снаряжение, как у взрослых.

Король стремился вырастить из наследника настоящего рыцаря – доблестного солдата в дни войны, блестящего кавалера в дни мира. Поэтому Эдуард Вудстокский с малолетства купался в роскоши и приучился воспринимать окружающее его великолепие как норму. Для мальчика приобретались редкие украшения и одежды, за которыми порой приходилось посылать в другие страны. Несмотря на то, что герцог Корнуоллский имел собственные источники доходов, для него порой не жалели денег и из королевской казны. К примеру, в 1336 году королем был отдан такой приказ: «Казначею, баронам казначейства и камергерам. Приказываю выдать королевскому клерку Паоло де Монтефьоре 2000 марок дополнительно к той сумме, которую он уже должен казначейству по своему последнему счету. Ибо Паоло имеет поручение от короля – купить за рубежом и доставить без задержки различные вещи в пределах суммы в 2000 марок для надобностей королевы Филиппы и Эдуарда, графа Честерского, королевского сына»³⁴.

Одевался Эдуард Вудстокский роскошно. Он носил алые шляпы, расшитые серебряными розами. Его широкий пояс был усеян 37 эмалированными бляшками и 234 жемчужинами. Апартаменты, которых у Эдуарда было несколько, включая городской дом в Лондоне, украшали искусно изготовленные гобелены с изображением роз, русалок, а также гербов самого герцога Корнуоллского.

³³ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. М., 1988.

³⁴ Calendar of the Close Rolls, 1333–37. L., 1898. P. 599.

* * *

По воле отца с раннего детства Эдуарду Вудстокскому приходилось принимать активное участие в государственных делах. Он часто выступал в качестве официального представителя короля на всевозможных торжественных церемониях. Так, в конце 1337 года именно ему было поручено возглавить делегацию по приему важных послов: Бертрана де Монфавеза, кардинала-дьякона Санта-Мария-ин-Аквиро, и Педро Гомеса Баррозо де Сотомайора, камерлинга коллегии кардиналов. Папа Бенедикт XII³⁵ возложил на этих прелатов сложную задачу – предотвратить назревавшую войну между Францией и Англией. Облаченный в новую мантию из пурпурного бархата и алую шляпу с нашитым жемчугом, специально изготовленную для этого случая, Эдуард Вудстокский возглавлял пышную приветственную процессию из представителей высшей знати. Он встретил папских посланников в миле от лондонских ворот, а затем сопровождал их в столицу до самой дворцовой лестницы, где кардиналов ожидал король. На тот момент визит дипломатов, отряженных Святым Престолом, не позволил разразиться войне, хотя переговорщиками они были не самыми умелыми. Однако глубинные противоречия между Англией и Францией никуда не исчезли. Рано или поздно они должны были перерасти в открытое противостояние.

История конфликта восходит к нормандскому завоеванию. В 1066 году Гийом Бастард вторгся в Англию и силой захватил английский престол. Завоеватель угодил в западню, из которой не было выхода: с одной стороны, он стал сувереном островной страны, но с другой остался вассалом французского короля за Нормандию. С течением времени двойственность положения английских монархов только усиливалась, ибо их континентальные владения разрастались. Так, королю Генри II, основателю Анжуйской династии, во Франции принадлежали также Анжу, Мэн, Пуату, Гиень (Аквитания) и Гасконь, его претензии распространялись на Тулузу и Бретань. Возник редкий и очень интересный казус, когда король-вассал оказался куда сильнее, чем король-сюзерен. Однако нормы феодального права оказались ценным оружием в руках слабейшего. Это доказал Филипп II Огюст, конфисковав в 1204 году Нормандию у Джона Безземельного³⁶.

Попытка всесторонне урегулировать отношения между двумя государями была предпринята в 1259 году, когда Луи IX Святой и Генри III Уинчестерский заключили так называемый Парижский договор. Согласно его условиям претензии английских королей на Нормандию, Мэн, Анжу и Пуату аннулировались. Одновременно подтверждались их права на Бордо, Байонну и Гасконь, выступавшие в качестве вассальных ленов, дающих держателю титул пэра Франции.

Однако это соглашение, призванное раз и навсегда разрешить все проблемы, на деле оказалось внутренне противоречивым. Мин, угрожавших его исполнению, в тексте было заложено предостаточно. Например, по французскому феодальному праву любой вассал мог обжаловать решение своего сеньора перед королем. Таким образом, всякий гасконский дворянин, недовольный каким-либо актом английского монарха, имел возможность подать протест непосредственно в Париж. И эта уловка с успехом использовалась в качестве неотразимого оружия против Лондона, так как служила помехой эффективному управлению Гиенью и основательно подрывала авторитет королей Англии. Неудивительно, что последние постоянно искали способ установить полный суверенитет над своими континентальными владениями, а французские короли всеми силами стремились не дать им выскользнуть из тенет феодального права.

³⁵ Бенедикт XII (1285–1342) – в миру Жак Фурнье, третий по счету авиньонский папа (с 1334). (прим. редакции)

³⁶ Филипп II Огюст (Филипп Август) (1165–1223) – король Франции из династии Капетингов; Джон (Иоанн) Безземельный (1166–1216) – король Англии из Анжуйской династии, прапрапрадед Эдуарда Вудстокского. (прим. редакции)

При всех своих недостатках, Парижский договор все же худо-бедно сдерживал конфронтацию в течение почти трети века, пока в 1293 году Филипп Красивый не узрел реальной возможности силой поставить точку в территориально-политическом споре, конфисковав Аквитанию. Поводом послужило незначительное столкновение, в котором оказались замешаны моряки английских Пяти портов³⁷, Гиени и Нормандии. Последовавшая затем пятилетняя война закончилась новым Парижским договором 1303 года. И опять спорные моменты не были окончательно решены, а границы Гиени формально не зафиксированы. В последующие двадцать лет с английской стороны предпринимались безуспешные попытки уточнить условия договора, а с французской – получить недвусмысленный оммаж³⁸ от английского короля. Неустойчивый мир в любой момент мог смениться открытыми военными действиями с самыми серьезными последствиями. К примеру, незначительная пограничная стычка, вылившаяся в так называемую «войну Сен-Сардо», привела к попытке конфискации Гиени. Хотя фактически все остались при своих, но будущий король Эдуард III, носивший тогда титул герцога Аквитанского, вынужден был принести-таки формальный оммаж за свои владения.

Итак, многовековое противостояние закончилось пока что в пользу Франции – она была на коне, Англия подверглась очевидному унижению. Затем последовал еще один удар по самолюбию английского владыки. В 1328 году умер Шарль IV – впервые за три столетия король не оставил после себя прямого наследника мужского пола. В число его возможных преемников входили внучатый племянник Шарль Злой, король Наварры, племянник Эдуард III Английский и кузен Филипп, граф де Валуа. Естественно, пэры Франции сделали единственно возможным для себя выбор и 29 мая 1328 года короновали Филиппа VI. Вслед за этим состоялся третий акт позора: Эдуард Английский прибыл в Париж и 30 марта 1331 года принес своему сопернику оммаж за герцогство Аквитанское. На этот раз церемониал не допускал никаких двойных толкований – вассалитет за заморские территории был полным:

«Король Англии герцог Гиеньский должен поместить руки между рук короля Франции, чей представитель затем обращается к королю Англии и герцогу Гиеньскому с такими словами: “Месье³⁹, становитесь ли вы вассалом короля Франции, как герцог Гиеньский и пэр Франции, и обещаете ли вы хранить ему верность и лояльность?” И упомянутый король и герцог за себя и своих наследников Гиени должен ответить: “Да”. Тогда король Франции принимает вассальную клятву упомянутого короля Англии и его верность с поцелуем мира, храня его права»⁴⁰.

После такого многократного унижения даже самые отъявленные оптимисты не могли питать надежд на длительный мир между королевствами. Странники дружественных отношений с Францией полностью потеряли свое влияние после отстранения от власти Роджера Мортимера и Изабеллы. Эдуарда III бесило, что Филипп VI беззастенчиво пользовался преимуществами своего положения. Английские бароны как один стояли за войну.

В 1337 году французский король в очередной раз объявил о конфискации Гиени. Предлогом послужило на первый взгляд незначительное событие. Робер д'Артуа, бывший друг Филиппа VI, превратился в его злейшего врага из-за земельных споров и был изгнан из Франции. Он нашел убежище при английском дворе, что было расценено как прямое нарушение вассальных обязательств. Король Филипп 24 мая 1337 года приказал сенешалю Перигора захватить Аквитанию, а бальи Амьена получил указание взять Понтье. Вот так на практике в

³⁷ Пять Портов (англ. *Cinque Ports*) – историческое название военного и торгового союза портовых городов графств Кента и Сассекса, расположенных на побережье Ла-Манша в самом удобном месте пролива для переправы на континент; в их число входили Хестингс, Нью-Ромни, Хайт, Дувр и Сандвич; союз также поддерживали два «древних города», Рай и Уинчелси. (прим. редакции)

³⁸ Оммаж (фр. *l'hommage*, англ. *homage*) – церемония, во время которой вассал выражал свое уважение и покорность сеньору, приносил ему вассальную присягу, взамен получая феодальный лен во владение. (прим. редакции)

³⁹ Месье (фр. *Monsieur*) – помимо прочего, официальное обращение к старшему из братьев короля Франции. (прим. редакции)

⁴⁰ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq[ue] Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer / Vol II, Pars II. L., 1821. P. 813.

очередной раз подтвердилась губительность двойственного статуса английского короля, который мог рассматриваться в качестве непослушного вассала всякий раз, когда вступали в конфликт интересы государственной политики Англии и Франции.

Глава вторая

Хранитель Англии

Война казалась делом решенным. Оммажи, принесенные в 1329 и 1331 годах, были аннулированы под предлогом того, что клятвы давались по принуждению. Английские законники пошли еще дальше и поставили под сомнение само право короля Филиппа VI занимать трон. Эдуард III выдвинул собственные претензии на корону Франции, и его юристы подтвердили их обоснованность. Сомнительно, чтобы английский король на том этапе действительно желал захватить престол соседней страны – вероятно, он использовал эту претензию в качестве сильного дипломатического хода, равно как и в пропагандистских целях.

События разворачивались стремительно, их водоворот затянул и малолетнего герцога Корнуоллского. Про игры с товарищами пришлось забыть и с головой окунуться во взрослые дела. Король, отбывая за Ла-Манш для поиска союзников на континенте, возложил 11 июля 1338 года на сына обязанности хранителя Англии:

«Король всем – привет.

Знайте, что по совету и с согласия прелатов, графов, баронов и знатных людей, а также общин нашего королевства для обороны и спасения нашего королевства и других владений нашей короны, а также для решения некоторых других вопросов к нашей и нашего королевства пользе мы должны в ближайшее время лично отбыть в земли, лежащие за морем. Наиболее всего мы лелеем в своем сердце заботу о мире – чтобы в наше отсутствие он столь же нерушимо соблюдался, как и в нашем присутствии, чтобы правосудие оказывалось каждому из истцов, принесших жалобу. Не сомневаясь в преданности дорогого и верного Эдуарда, герцога Корнуоллского и графа Честерского, нашего первородного сына, мы полностью ему доверяем и назначаем хранителем вышеуказанного нашего королевства, а также временным владельцем всех наших держаний в указанном королевстве на то время, пока мы пребываем в заморских землях или же до новых наших распоряжений. Мы доводим до сведения всех и каждого – до архиепископов, епископов, аббатов, приоров, графов, баронов, рыцарей, общин, шерифов, свободных людей, бейлифов, священников и всех других наших верноподданных – что отныне они обязаны вышеупомянутому герцогу как защитнику нашего указанного королевства всем тем, чем полагается служить персоне, занимающей это место – поддержкой вооруженной силой, участием в его совете и оказанием прочей помощи»⁴¹.

С этого момента все государственные акты подписывал исключительно Эдуард Вудстокский, именованный громким титулом *Custos Angliae* – «хранитель Англии». Номинально он стал правителем страны на время отсутствия короля. Рядом с ним не осталось никого из близких родственников: мать и сестры также отбыли во Фландрию, поскольку Эдуард III придавал большое значение связям Филиппы Геннегауской и намеревался использовать их в своих целях. В помощь юному хранителю был назначен совет, который возглавил многоопытный политик и дипломат, примас⁴² всей Англии Джон де Стратфорд, архиепископ Кентерберийский.

На протяжении 1338 года Эдуард Вудстокский жил, как правило, в Лондонском Тауэре. Рядом с ним всегда находились его ближайшие советники – Ричард ФицАлан, граф Эранделский по прозвищу Коническая Шляпа, Уильям Клинтон, граф Хантингдонский, и Ральф, лорд Невилл Рэбийский. В окружении хранителя серьезно опасались вторжения французов. Угроза

⁴¹ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq[ue] Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer / Vol II, Pars II. L., 1821. P. 1049.

⁴² Примас (англ. *Primate*) – титул епископа, имеющего старшинство перед всеми остальными епископами в какой-либо территориальной церкви и осуществляющего надзор над прочими священниками на подведомственной ему территории; примасом всей Англии называется архиепископ Кентерберийский, примасом Англии – архиепископ Йоркский. (*прим. редакции*)

стала реальностью в марте, когда французские рейдеры при поддержке испанцев атаковали город Портсмут на южном побережье страны. По настоянию членов совета герцог Корнуоллский распорядился принять меры для защиты Лондона. В частности, 20 июля он издал приказ укрепить гарнизон Тауэра, состоявший из двадцати латников и пятидесяти лучников, а также усилить частокколами оборонительные сооружения крепости.

С 26 июля по 2 августа Эдуард председательствовал в Великом совете – представительном собрании прелатов и лордов, приглашаемых королем для обсуждения важных государственных проблем. На сей раз, вопреки традиции, в нем участвовали еще и представители общин: часто из-за такого необычного состава его ошибочно принимают за сессию Парламента. Однако хранитель просто вынужден был призвать на заседание Великого совета купцов, недостойных такой привилегии по своему рангу: «Мы приказываем и строго предписываем прибыть в Нортхемптон в понедельник, следующий за праздником Св. Петра в оковах, четырем торговцам из лучших от каждого нашего графства, независимо от вольностей последнего, чтобы держать совет с хранителем нашего королевства и с канцлером, а также с другими членами нашего совета»⁴³.

С представителями купеческого сословия предстояло обсудить некоторые щекотливые вопросы, в решении которых никто помимо них помочь не мог. Королю Эдуарду III во Фландрии срочно требовались деньги для, скажем так, мотивации союзников. Он запрашивал такую сумму, какую собрать в короткие сроки было практически невозможно без повышения налогов. Этот вопрос относился к компетенции Парламента, который хранитель созывать не хотел, ибо дополнительные сборы вряд ли нашли бы поддержку общин и почти наверняка вызвали возмущения по всей стране, еще не заболевшей патриотической лихорадкой и наслаждавшейся относительно мирной жизнью.

Тем не менее, с согласия представителей влиятельных купеческих гильдий новая повинность была введена, пусть и весьма хитрым способом – в натуральном виде. Каждой общине вменялось в обязанность предоставить для нужд короны определенное количество мешков шерсти пропорционально размеру налогов, установленных для нее Парламентом. Отвертеться от подати было невозможно – даже если у какой-то общины шерсти не было в принципе, ей приходилось покупать ее на стороне и затем передавать сборщикам.

* * *

Французские рейдеры продолжали бесчинствовать. 8 сентября они взяли замок Комет на Гернси, втором по величине острове в проливе Ла-Манш. Затем флот адмиралов Николя Беюше и Юга Кьере захватил коги «Кристофер», «Эдуард» и еще три английских корабля, груженных шерстью. Это произошло у зеландского острова Валхерен 21 сентября. Моряков, попавших в плен, французы попросту убили.

По рекомендации королевского совета хранитель 27 сентября 1338 года отдал приказ двум флотам под командованием адмирала Севера и адмирала Запада выйти в море, найти и уничтожить врага. Однако шкиперы, уставшие от того, что их корабли постоянно подвергаются реквизиции, выполняли приказы неохотно. Не получив достойного отпора, 5 октября французы высадились уже непосредственно на побережье Англии у Саутхемптона и нанесли городу большой ущерб. Никто не сомневался, что обнаглевшие рейдеры могут атаковать даже столицу. Поэтому в октябре Эдуард Вудстокский приказал городским властям Лондона забить сваи в дно Темзы, чтобы воспрепятствовать проходу вражеских кораблей.

Гонцы непрерывно сновали через Ла-Манш, доставляя в Англию письма от короля и королевы с требованием денег и отвозя назад на континент послания, содержавшие отчаянные

⁴³ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq[ue] Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer / Vol II, Pars II. L., 1821. P. 1051.

оправдания и попытки объяснить, почему необходимые средства собрать никак не возможно. Эдуард Вудстокский писал 21 октября 1338 года Филиппе Геннегауской:

«Моя дражайшая и глубокоуважаемая леди, примите мои смиренные уверения в искреннем расположении к Вашему высочеству, которые я приношу со всей почтительностью и прошу Вашего благословения. Глубокоуважаемая леди, меня успокоили известия, что с Вами все хорошо, и я молю Бога, чтобы он в своей милости еще долго хранил Вас. И, моя дражайшая леди, по поводу того, что Вы недавно наказывали мне в своих письмах – а именно, что я должен принять со всей поспешностью все возможные меры для отправки денег и шерсти милорду королю, находящемуся за пределами его королевства Англия. Вам будет утешительно знать, глубокоуважаемая леди, что я вместе с членами совета милорда постарался выполнить Ваши приказы. Последняя партия шерсти полностью собрана и будет отправлена ему так быстро, как только возможно, а также и все деньги. Но никакой другой помощи никакими средствами собрать более не удастся, о чем я уже писал ему в своих предыдущих письмах. Моя глубокоуважаемая леди, да хранит Вас Святой Дух»⁴⁴.

Естественно, текст письма был составлен канцелярией хранителя, однако можно с уверенностью предположить, что мальчик был прекрасно знаком с содержанием послания, под которым стояла его подпись, и понимал суть проблемы.

В начале следующего 1339 года Эдуард Вудстокский покинул опустылевший ему Лондонский Тауэр и проживал главным образом в Вестминстере или Виндзоре. Иногда он позволял себе кратковременный отдых в манорах Беркемстед или Кеннингтон – оба поместья достались ему в качестве дополнения к герцогству Корнуоллскому. Однако надолго расслабляться ему не позволяла напряженная ситуация в Ла-Манше. Весной французы предприняли новую серию набегов на побережье Англии, открывшуюся 24 марта вторжением в Харидж. Хранитель со своим советом еще раз продумал тактику оборонительных действий. Охрана кентского побережья была поручена констеблю Дуврского замка графу Хантингдонскому, сассекского – графу Саррейскому, хемпширского – графу Эранделскому. Ветеран шотландских войн Джон де Вер, граф Оксфордский, отвечал за защиту Лондона и побережья Эссекса. Сам восьмилетний Эдуард Вудстокский номинально командовал резервной армией.

Принятые шаги принесли свои плоды. Нападения на Саутхемптон и некоторые другие порты южного побережья были отбиты. Врагам не дали закрепиться на острове Уайт. Правда, город Плимут 20 мая был все-таки сожжен: пожилой Хью Кортней, граф Девонский, которому исполнилось уже 62 года, немного замешкался. Однако, в конце концов, опытный вояка смог отогнать захватчиков, потерявших в бою 500 человек убитыми. Так же успешно были предотвращены попытки французов высадиться в Дувре и Фолкстоне, хотя неприятелю удалось при этом сжечь Хестингс.

Как и ранее, отражение рейдов было лишь одной из двух задач, которые приходилось решать Эдуарду Вудстокскому и его совету. Еще более важной проблемой оставался поиск денежных средств. По сравнению с 1338 годом, когда королю и королеве приходилось лично писать сыну о крайней финансовой нужде, положение лишь усугубилось. Союзники Эдуарда III – император Людвиг Баварский, герцог Брабантский, герцог Гельдернский, маркграф Юлихский, граф Геннегауский и целая толпа владетельных государей помельче – требовали платы за поддержку. Огромные суммы, переходившие в руки жадных немецких князей, истощили английскую казну. Не смогло поправить дела даже вмешательство казначейства в святая святых – торговлю шерстью. Ценное сырье покупалось на внутреннем рынке по искусственно заниженным ценам и отправлялось во Фландрию, где им рассчитывались по гигантским долгам короля.

⁴⁴ Public Record Office SC 1/54/29; Barber R. *Edward Prince of Wales and Aquitaine*. Woodbridge, 1996. PP. 29–30.

Основными кредиторами Эдуарда III выступали крупные итальянские банковские компании Барди и Перуцци, только в 1338 году ссудившие ему более 70 тысяч фунтов. Поэтому представители этих банков были окружены особой заботой со стороны герцога Корнуоллского, который распорядился задабривать их всеми возможными способами. В частности, именно они оказались на первых местах в списке тех, кому дарились зимние одежды из личного гардероба Эдуарда Вудстокского.

* * *

Король Эдуард III опасался, что промедление с началом военных действий приведет к тому, что его ненадежные союзники просто-напросто разбегутся, несмотря на выплаченные им деньги. Помимо этого, его сильно беспокоили успехи французов в Аквитании. Поэтому он решил начать кампанию в сентябре 1339 года и двинул свою армию вглубь Франции. Король Филипп VI выступил ему навстречу. Дальнейший ход военных действий Эдуард III очень подробно, хотя и весьма тенденциозно, изложил в пространным письме своему наследнику:

«Нашему дорогому сыну, их высокопреосвященствам Джону, милостью Божией архиепископу Кентерберийскому, и Ричарду, епископу Лондонскому, Уильяму де Ла Зушу, нашему казначею, и прочим из нашего совета в Англии – привет. О причинах нашей столь долгой задержки в Брабанте мы уже сообщали вам прежде, они хорошо известны каждому из вас. Скучная помощь из нашего королевства приходила с запозданием, и сия задержка была нам весьма тяжела – потому и люди наши пребывали в нужде, и союзники наши были неспешны в делах.

Наши посланники, принужденные столь долго ожидать кардиналов и членов совета Франции, чтобы вести переговоры о мире, не принесли нам никаких других предложений помимо того, что мы не должны владеть ни единой пядью земли в королевстве Франция. И наш кузен Филипп поклялся, как нам о том донесли, что мы и единого дня не проведем с нашим войском во Франции, ибо он даст нам бой. Мы, всегда храня веру в Господа и в наше право, явились пред союзниками нашими, и безусловно продемонстрировали им, что долее бесполезно ждать мы не намерены, но выступаем на защиту наших прав, надеясь на милосердие Господне. И они, понимая, что на них падет бесчестье, буде они останутся позади нас, согласились следовать с нами. Лишь день был даден всем, чтобы подготовиться к выступлению во Францию в означенный срок, и мы вовремя явились на место сбора, и союзники вслед за нами.

В понедельник, в канун дня святого Матфея мы выступили из Валансьена и в тот же день предали огню Камбрези. Мы разоряли его всю последующую неделю, так что земля эта была полностью опустошена – и посевы, и скот, и прочее добро. В следующую субботу мы прибыли в Маркуэн, лежащий между Камбре и Францией, и в тот же день начали жечь земли Франции. И слышали мы, что упомянутый сир Филипп приближается к нам, двигаясь в Перонну через Нуайон. Мы направили свой путь далее, наши люди сжигали и разрушали все на двенадцать или четырнадцать лиг вокруг. В субботу перед святым Лукой мы переправились через воды Уазы, остановились и расположились там в воскресенье. В этот день наши союзники явились пред нами и заявили, что их припасы почти истощились, что зима близка, что они не могут медлить, но должны будут выступить в обратный путь, как только припасы закончатся. На самом деле они говорили, что запасы провизии столь малы, из опасения, что наш упомянутый кузен безотлагательно даст нам бой. Утром в понедельник пришли письма сеньору Югу Женевскому от мэтра арбалетчиков Франции⁴⁵, в которых последний передавал королю Англии желание

⁴⁵ Мэтр арбалетчиков (фр. *Maître des arbalétriers*) – одна из высших должностей во Франции; мэтр арбалетчиков командовал всеми стрелками (арбалетчиками и лучниками), в его подчинении находились также саперы, прислуга осадных орудий, плотники и артиллеристы. (прим. редакции)

короля Франции дать бой на позиции, не укрепленной лесом, болотом либо водой, в грядущий четверг. На следующий день, разорив все вокруг, мы покинули лагерь.

В среду к упомянутому сеньору Югу снова явились вестники с письмами от короля Богемии и герцога Лотарингского с их привешенными печатями. В них подтверждалось, что все сказанное упомянутым мэтром арбалетчиков от имени короля Франции относительно боя остается в силе. Ознакомившись с этими письмами, мы на следующий день двинулись, не мешкая, на Фламангри, где провели всю пятницу. Вечером были схвачены три шпиона и допрошены по отдельности, и все они согласно показали, что упомянутый Филипп даст нам бой в субботу, и что он находится в полутора лье от нас.

В субботу за четверть часа до рассвета мы встали в поле и заняли позиции в месте, удобном и для нас, и для него, чтобы сразиться. Ранним утром мы захватили нескольких разведчиков, которые показали, что их авангард находится перед нашими позициями и в боевом строю движется на нас. Новости достигли нашего войска, и хотя наши союзники прежде действовали достаточно вяло, их лояльность без сомнения укрепилась – теперь они были готовы драться. В то же время один из наших разведчиков, рыцарь из Германии, был схвачен, а он видел наше расположение и рассказал о нем врагу. Тогда он (король Филипп. – В. У.) отвел свой авангард и приказал укрепить лагерь, и они вырыли вокруг него траншеи, и срубили большие деревья, чтобы перекрыть подходы.

Весь день мы провели на ногах в боевых порядках, но когда время начало подходить к вечеру, то союзникам нашим стало очевидно, что мы ждали довольно; и мы оседлали коней и выступили к Авену, что в полутора лье от нашего упомянутого кузена, и дали ему знать, что мы будем ждать его там все воскресенье, что мы и сделали. И более вестей ему мы не посылали, за исключением субботних, когда мы сели на коней и отошли с позиций, а он думал, что мы двинулись на него. И он в такой спешке укреплял свои позиции, что тысяча всадников утонула в болотах во время перехода, так как двигались один за другим. В воскресенье нашими людьми был захвачен сир де Фаньоль. Утром в понедельник мы получили известие, что упомянутый сир Филипп и все его союзники рассеялись и в большой спешке отошли. После этого и наши союзники долее не собирались следовать за нами.

Касательно того, что должно быть сделано, мы будем держать совет с ними в Антверпене завтра в день святого Мартина. Затем оттуда мы пришлем вам известие безотлагательно, как только сможем»⁴⁶.

Совершенно очевидно, что Эдуард III пытался хотя бы перед сыном и советниками создать видимость тактической победы там, где он потерпел явную неудачу, пусть и не по своей вине. Англичане действительно заняли сильную позицию недалеко от пикардийской деревеньки Ла-Капель, и Филипп VI поэтому решил их не атаковать. Он приказал авангарду отступить к основным силам и также заняться обустройством своих позиций. Французские военачальники громко укоряли своего короля за трусливое поведение, уличая в нежелании отомстить за причиненный англичанами ущерб. Тем не менее, Филипп выбрал абсолютно правильную тактику. Эдуард III это понял и, в свою очередь, не стал атаковать превосходящую по численности неприятельскую армию. «Великое стояние» закончилось бесславно: сначала отступили германские союзники, затем отошли и сами англичане. А ведь если бы не выдержка, продемонстрированная Филиппом VI, битва при Ла-Капели обернулась бы для французов катастрофой.

Эдуард III вернулся в Англию 21 февраля 1340 года, оставив в качестве гарантов выплаты своих долгов жену Филиппу Геннегаускую, дочерей Изабель и Джоанну, годовалого сына Лайонела, а также графов Дербийского и Солсберийского. В тот же день Эдуард Вудстокский с облегчением сложил с себя обязанности хранителя королевства.

⁴⁶ Murimuth A. *Continuatio Chronicarum*; Avesbury R. *De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii*. L., 1889. P. 304–307.

* * *

Поход не принес Эдуарду III славы, зато обошелся в астрономическую сумму – 386 465,12 фунтов! Только личное обращение короля к Парламенту помогло добиться согласия от лордов и общин на сбор средств, требуемых для покрытия долгов. Но они пошли навстречу королевской просьбе не просто так: впервые в истории Англии согласие Парламента на введение дополнительного налогообложения было поставлено в зависимость от реформ, которые должны были обеспечить эффективный контроль над королевскими расходами.

Тем не менее необходимую сумму собрать не удалось. К концу весны 1340 года казна предполагала получить 100 тысяч фунтов, но реальные поступления составили всего какие-то жалкие 15 тысяч – и то к осени. Сбор летнего налога с зерновых и шерсти в двенадцати графствах был полностью сорван. Хронист с грустью писал: «Лорды в каждом городе, где эти товары должны быть собраны и обложены налогом, несли за то ответственность перед королем, а он получал налог и распоряжался им по собственному усмотрению и желанию. И если то, что я знаю, правда, то по этой причине душевная любовь народа превратилась в ненависть, молитвы простых людей – в проклятия, ибо простые люди сильно страдали»⁴⁷.

Тем не менее, при огромном бюджетном дефиците казначейство все-таки изыскало возможность погасить долги Эдуарда Вудстокского. Он влез в них, исполняя обязанности хранителя королевства – доходов с собственных владений ему, естественно, не хватило. Правда, выплаченная ему сумма была каплей в море – всего тысяча фунтов.

Сам герцог Корнуоллский, в восторге от полученной, наконец, свободы, постарался как можно скорее забыть утомительные сидения в кругу советников и долгие обсуждения государственных дел. Последние полтора года они поглощали большую часть его времени, хотя на должности хранителя мальчик в основном исполнял роль статиста. Он сбежал в свой манор Байфлит, затерянный между холмов графства Сарри, где вел себя подобно своим сверстникам – шалил, играл, занимался фехтованием с друзьями. Эдуард Вудстокский пристрастился тут к способу проведения досуга, весьма почитавшемуся английской знатью. При полном одобрении родителей и друзей он постиг всю прелесть азартных игр. Так, 2 мая мальчик проиграл 12 пенсов Джону Чандосу, который был старше его на десяток лет, но с которым он крепко сдружился.

Однако счастливое и беззаботное время пролетело для принца весьма быстро, поскольку его отцу не сиделось в Англии. Присутствие Эдуарда III срочно требовалось на континенте, где он, несмотря на все финансовые трудности, собирался начать новую кампанию. Король преуспел в создании нового альянса с фламандцами и их вождем Якобом ван Артевельде, получившим от сограждан прозвища Мудрец и Гентский Подстрекатель. Этот богатый купец возглавил антифранцузские силы, и Луи де Дампьер, граф Фландрский, хранивший верность Филиппу VI, вынужден был бежать из собственных владений. Горожане Гента и Антверпена, взявшие власть в свои руки, стремились обеспечить беспрепятственный завоз английской шерсти, от которой зависела ткацкая промышленность их страны. Поэтому они готовы были оказывать Эдуарду III все возможное содействие в его планах.

Такого случая король Англии упустить не мог. Чтобы избавить фламандцев от позорного обвинения в измене прежнему сюзерену Филиппу VI, он торжественно огласил свои претензии на французский трон и даже послал за их подтверждением к папе Бенедикту XII в Авиньон. Одновременно английский монарх продолжил активные поиски союзников. В качестве одной из приманок он активно использовал то, что его наследник Эдуард Вудстокский так и не вступил в брак с дочерью французского короля: «Иоганну, герцогу Лотарингскому, Брабантскому

⁴⁷ The Brut or Chronicles of England / Ed. F.W.D. Brie. Vol. I. L., 1906. P. 293–94.

и Лимбургскому, маркграфу Священной Римской империи, дается согласие на брак королевского сына герцога Корнуоллского и Маргариты, дочери указанного Иоганна. Если свадьба не состоится, то приданое будет возмещено в двойном размере»⁴⁸.

Эдуарда Вудстокского вторая попытка его женить волновала мало – предполагаемый брак в чистом виде был политической декларацией, как и требование короны Франции. Король с легким сердцем отказался бы от претензий на нее в обмен на полный суверенитет над теми территориями, которые он считал своими. Как минимум, эти земли включали в себя все герцогство Аквитанское в границах 1307 года – не только окрестности Бордо, Ланды и долину Адур, но также Сентонж, южную часть Перигора и Ажене. Как максимум, при удачном розыгрыше партии, в которой согласие на женитьбу сына также было немаловажным ходом, он мог получить еще Керси, Руэрг, Пуату и Лимузен, потерянные Англией в конце XIII века.

На Троицу, 20 мая, король отправился в Ипсуич, откуда планировал отплыть на континент. Однако разведчики донесли, что огромный французский флот под командованием адмиралов Николая Беюше и Юга Кьере собрался в Ла-Манше, чтобы предотвратить высадку англичан и при случае атаковать побережье самой Англии. К французским судам присоединились также нанятые в Генуе галеры Эгидио Боканегры по прозвищу Черная Борода. Против намерения Эдуарда III отплыть с небольшой флотилией в 40 кораблей твердо возражал архиепископ Кентерберийский. Прелата поддержали адмирал Севера Роберт Морли и фламандский наемник капитан Ян Краббе, сражавшийся прежде на стороне шотландцев, но ныне хранивший верность англичанам. Все они настаивали на том, что подобное предприятие было слишком рискованным. Вскоре пришло подтверждение донесений шпионов из Ипра и Брюгге. Король решил временно отложить экспедицию и начал собирать большой флот.

В это время Эдуард Вудстокский находился в Кеннингтоне. Именно туда гонец доставил известие о прибытии в Англию одного из главных континентальных союзников – Вильгельма маркграфа Юлихского⁴⁹, которого король пожаловал титулом графа Кембриджского. Собственно, на торжественный обряд, посвященный этому событию, Вильгельм и явился. Эдуард Вудстокский на церемонию не поехал, но приказал отправить маркграфу от себя подарок – золоченую чашу парижской работы.

Два дня длились торжества, балы и обеды. Когда гости разъехались, Эдуард III вторично объявил своего сына и наследника хранителем королевства, подписав 27 мая 1340 года указ: «Мы, полностью полагаясь на лояльность возлюбленного и верного Эдуарда, герцога Корнуоллского и графа Честерского, нашего первородного сына, назначаем его хранителем как указанного королевства нашего Англия, так и титула нашего королевского до тех пор, пока мы обретаемся в указанных землях за пределами нашего королевства»⁵⁰.

На следующий день король назначил главными советниками хранителя Джона де Стратфорда, архиепископа Кентерберийского, и Уильяма Клинтона, графа Хантингдонского. В состав совета вошел Ральф лорд Невилл Рэбийский, вместе с двумя вышепоименованными сановниками уже исполнявший эти обязанности, а также Генри, лорд Перси, и Томас, лорд Уэйк – в прошлом участники заговора против Роджера Мортимера.

Начало июня Эдуард Вудстокский провел – редкий случай! – с отцом в Бейбвеллском приорстве, что расположено возле славного города Бери-Сент-Эдмундс, куда они не преминули навестись. Король и наследник возложили щедрые дары к гробнице святого Эдмунда и реликвиям, хранившимся в главном бенедиктинском аббатстве города, помолясь за успех экспедиции. Неделию спустя Эдуард вместе с отцом прибыл в Холбрук – деревеньку, стоявшую

⁴⁸ Calendar of the Patent Rolls, 1338–40. L., 1898. P. 510.

⁴⁹ Вильгельм V (1299–1361) – граф Юлихский, маркграф Юлихский (с 1336 года), граф Кембриджский в Англии (с 1340 года), герцог Юлихский (с 1356 года); женат на Иоганне, младшей сестре Филиппы Геннегауской, супруги Эдуарда III. (прим. редакции)

⁵⁰ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq[ue] Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer / Vol II, Pars II. L., 1821. P. 1125.

возле удобной бухты в устье реки Стауэр недалеко от места ее впадения в Оруэлл и Северное море. Именно там собирался сильный английский флот, в состав которого должны были войти от 120 до 160 судов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.